

тия не столько в качестве историка, сколько в качестве памфлетиста; поэтому-то он и приписывает эти отважные предприятия единственно кровожадности императора, который-де намеревался погубить и Италию, и Африку.

Правда, гигантский план Юстиниана оказалось возможным выполнить лишь в ничтожной его части, да и то с чрезвычайным напряжением всех экономических и военных сил. Византийское государство — единственно культурное и, согласно преданиям старины, продолжавшее развиваться в формах цезаризма — было Юстинианом сильно ослаблено. Только из-за этого видеть в этом плане чуть ли не гибель для народов едва ли основательно, хотя мало разгаданный, в свою очередь, конечно, император слишком уж расточительно разукрашал свои предначертания яркими красками. Во всяком случае, в воле этого человека сказалась мощь, если он на сотни лет влиял на самосознание всех последующих императоров. Наконец, наряду с церковным и императорским деспотизмом Юстиниан увековечил свое имя, завершив великое здание римского законодательства, а ведь это последнее послужило прочной основой для всего дальнейшего развития гражданственности. Да и сам город Константинополь сделался и остался несравненным властителем над миром, прилежащим к Средиземному морю, даже когда арабские калифы отчуждали от романского государства Сирию, Египет и Африку, а папы и франки — Западноримскую империю.

Хотя Восточноримское государство благодаря тягостным территориальным потерям несколько и утратило космополитический свой характер, но зато выиграло в усилении национальной своей основы, в существование эллинской. Латинизм, который шаг за шагом вытеснялся греческой церковью и местным обществом, через три столетия после Константина Великого не мог даже и претендовать на то, чтобы служить истинным отражением восточноримского общества. Тот же Юстиниан, который словно хотел лишней раз облатинить государство с помощью свода законов, составленного на языке Рима, строит, однако же, константинопольский собор в